

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Т53

На обложке использованы иллюстрации А. В. Николаева

Толстой, Лев Николаевич.

Т53   Война и мир / Лев Толстой. — Москва : Алгоритм, 2021. — 800 с. : ил.

ISBN 978-5-00180-336-2

Роман «Война и мир», одно из величайших произведений русской и мировой литературы, создавался Л.Н. Толстым на протяжении шести лет, восемь раз перепи-сывался, а отдельные эпизоды — более двадцати раз. Исследователи насчитывают пятнадцать вариантов одного только начала романа. В данной книге использована вторая редакция «Войны и мира» (1873 год), наиболее полная и удобная для чтения, поскольку Толстой перевел на русский язык весь французский текст романа.

Книга снабжена большим количеством иллюстраций, показывающих прото-типов главных героев, исторических персонажей, а также хронику нашествия На-полеона на Россию.

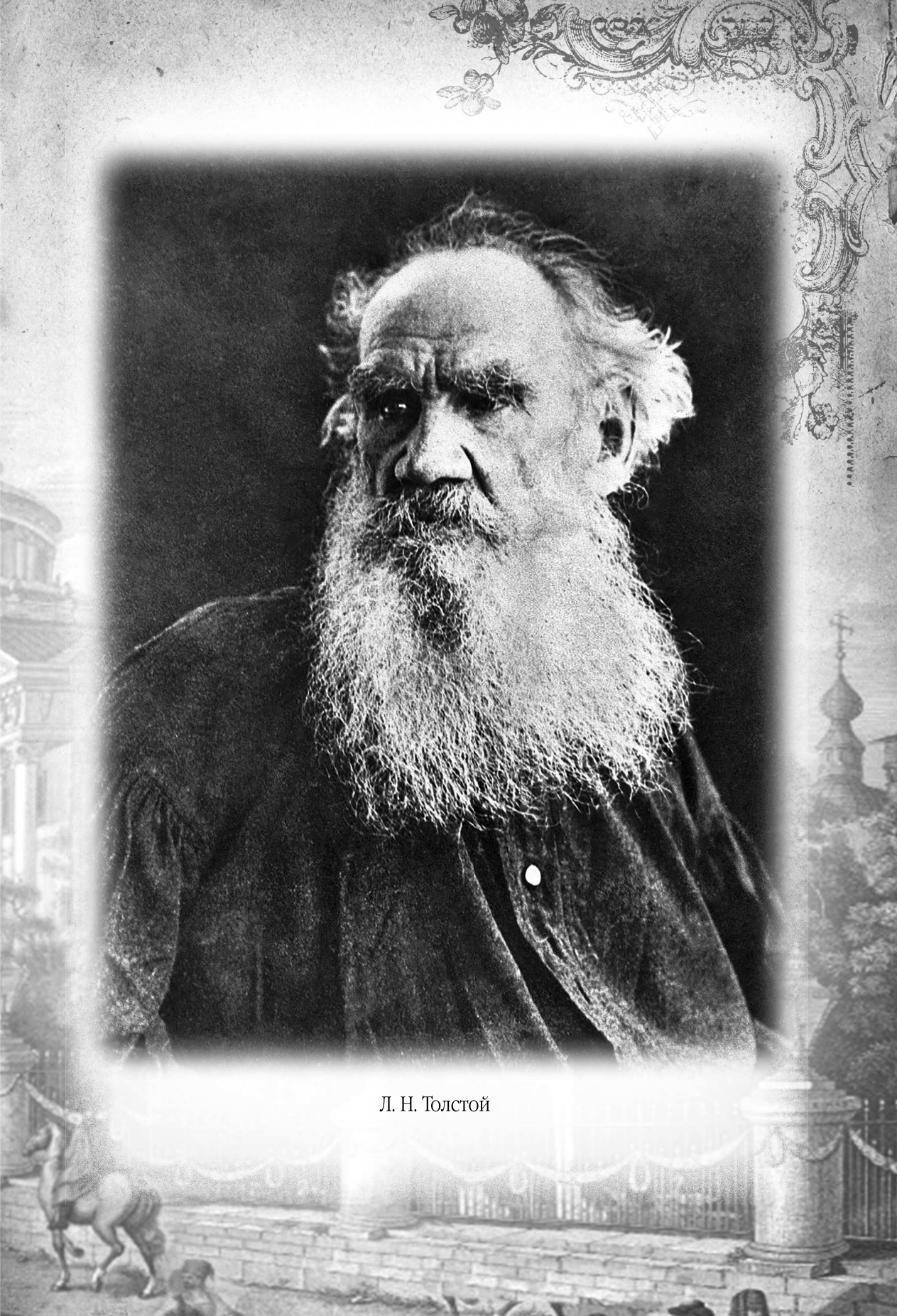
В книге приводятся развернутые комментарии к иллюстрациям. Из этих ком-ментариев можно узнать много интересных и неожиданных подробностей об исто-рической канве романа «Война и мир».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-00180-336-2

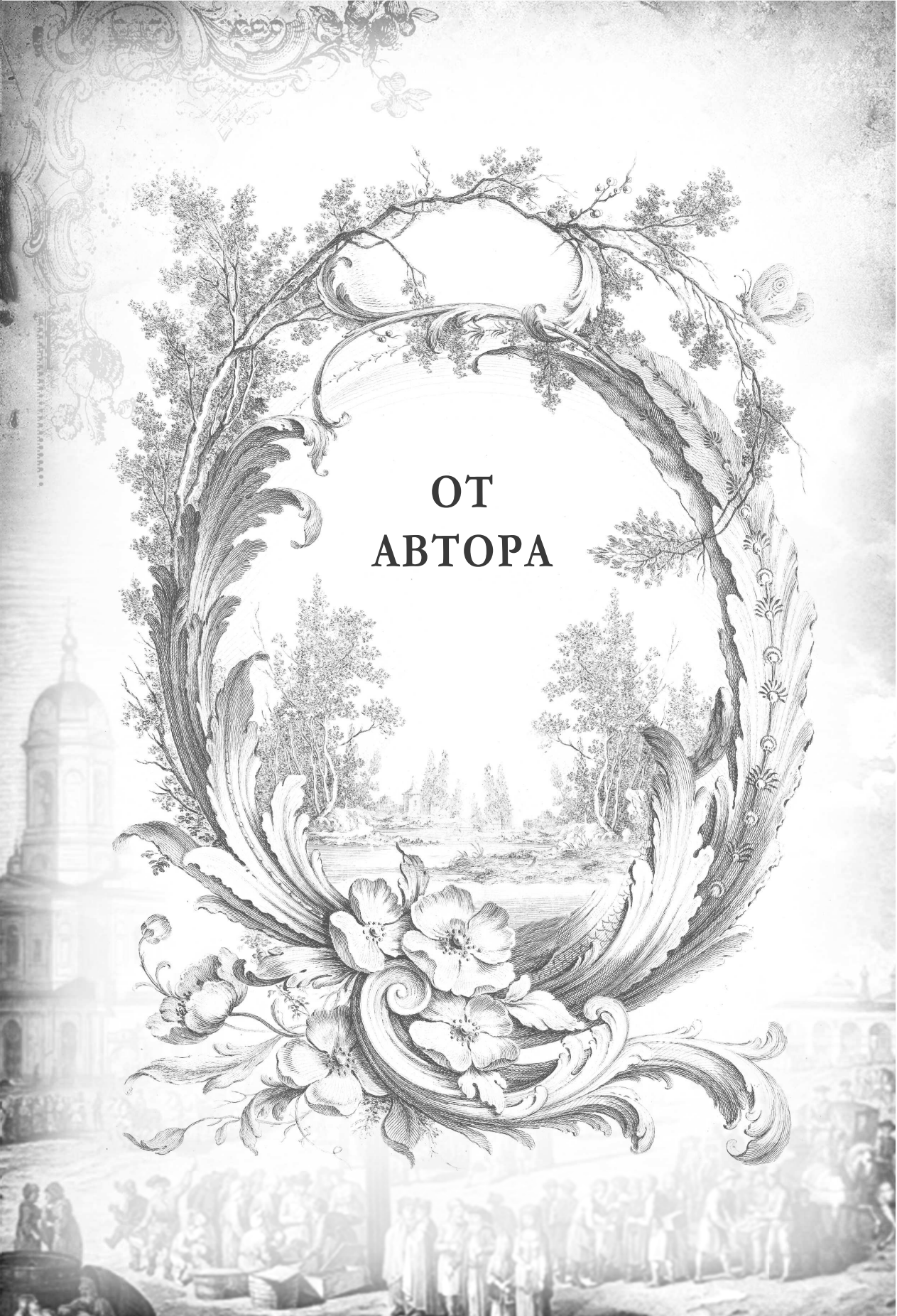
© Соколов Б.В., комментарии, иллюстрации, 2021
© ООО «Агентство Алгоритм», 2021

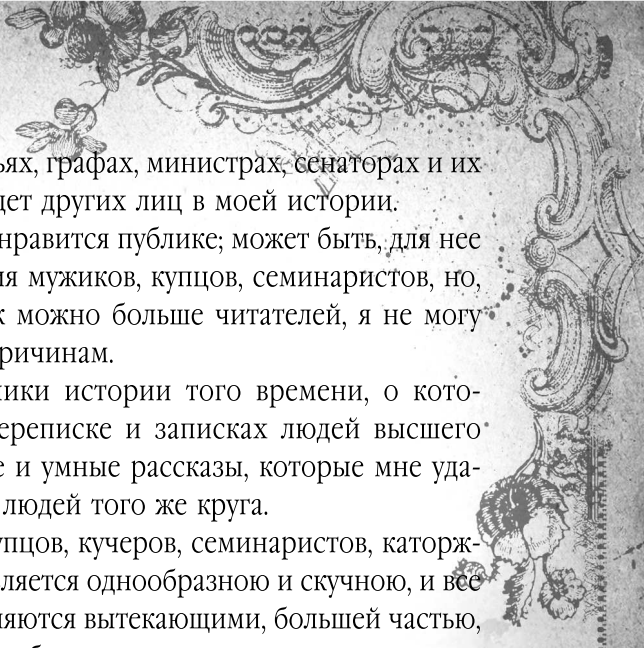

Л. Н. Толстой

OT
ABTOPA

— Я пишу до сих пор только о князьях, графах, министрах, сенаторах и их детях и боюсь, что и вперед не будет других лиц в моей истории.

Может быть, это нехорошо и не нравится публике; может быть, для нее интереснее и поучительнее история мужиков, купцов, семинаристов, но, со всем моим желанием иметь как можно больше читателей, я не могу угодить такому вкусу, по многим причинам.

Во-первых, потому, что памятники истории того времени, о котором я пишу, остались только в переписке и записках людей высшего круга грамотных; даже интересные и умные рассказы, которые мне удалось слышать, слышал я только от людей того же круга.

Во-вторых, потому, что жизнь купцов, кучеров, семинаристов, каторжников и мужиков для меня представляется однообразною и скучною, и все действия этих людей мне представляются вытекающими, большей частью, из одних и тех же пружин: зависти к более счастливым сословиям, корыстолюбия и материальных страстей. Ежели и не все действия этих людей вытекают из этих пружин, то действия их так застилаются этими побуждениями, что трудно их понимать и потому описывать.

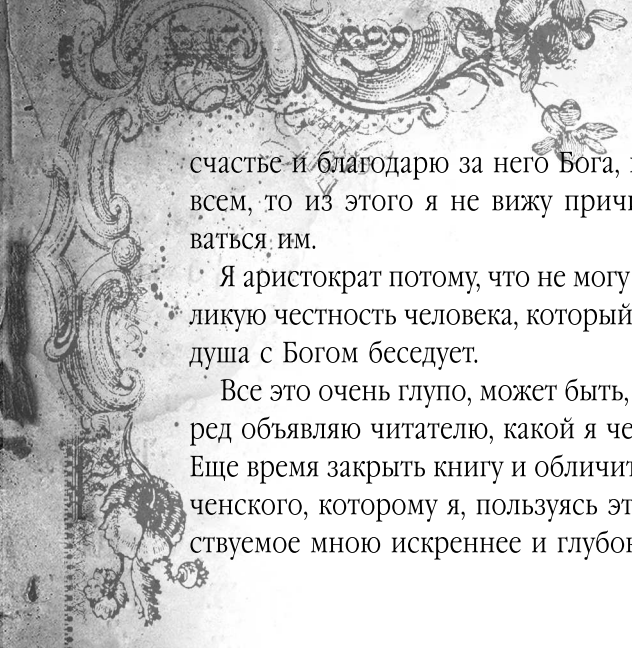
В-третьих, потому, что жизнь этих людей (низших сословий) менее носит на себе отпечаток времени.

В-четвертых, потому, что жизнь этих людей некрасива.

В-пятых, потому, что я никогда не мог понять, что думает будочник, стоя у будки, что думает и чувствует лавочник, зазывая купить помочи и галстуки, что думает семинарист, когда его ведут в сотый раз сечь розгами, и т.п. Я так же не могу понять этого, как и не могу понять того, что думает корова, когда ее доят, и что думает лошадь, когда везет бочку.

В-шестых, потому, наконец (и это, я знаю, самая лучшая причина), что я сам принадлежу к высшему сословию, обществу и люблю его.

Я не мещанин, как с гордостью говорил Пушкин, и смело говорю, что я аристократ, и по рождению, и по привычкам, и по положению. Я аристократ потому, что вспоминать предков — отцов, дедов, прадедов моих, мне не только не совестно, но особенно радостно. Я аристократ потому, что воспитан с детства в любви и уважении к изящному, выражающемуся не только в Гомере, Бахе и Рафаэле, но и всех мелочах жизни: в любви к чистым рукам, к красивому платью, изящному столу и экипажу. Я аристократ потому, что был так счастлив, что ни я, ни отец мой, ни дед мой не знали нужды и борьбы между совестью и нуждою, не имели необходимости никому никогда ни завидовать, ни кланяться, не знали потребности образовываться для денег и для положения в свете и тому подобных испытаний, которым подвергаются люди в нужде. Я вижу, что это большое

счастье и благодарю за него Бога, но ежели счастье это не принадлежит всем, то из этого я не вижу причины отречься от него и не пользоваться им.

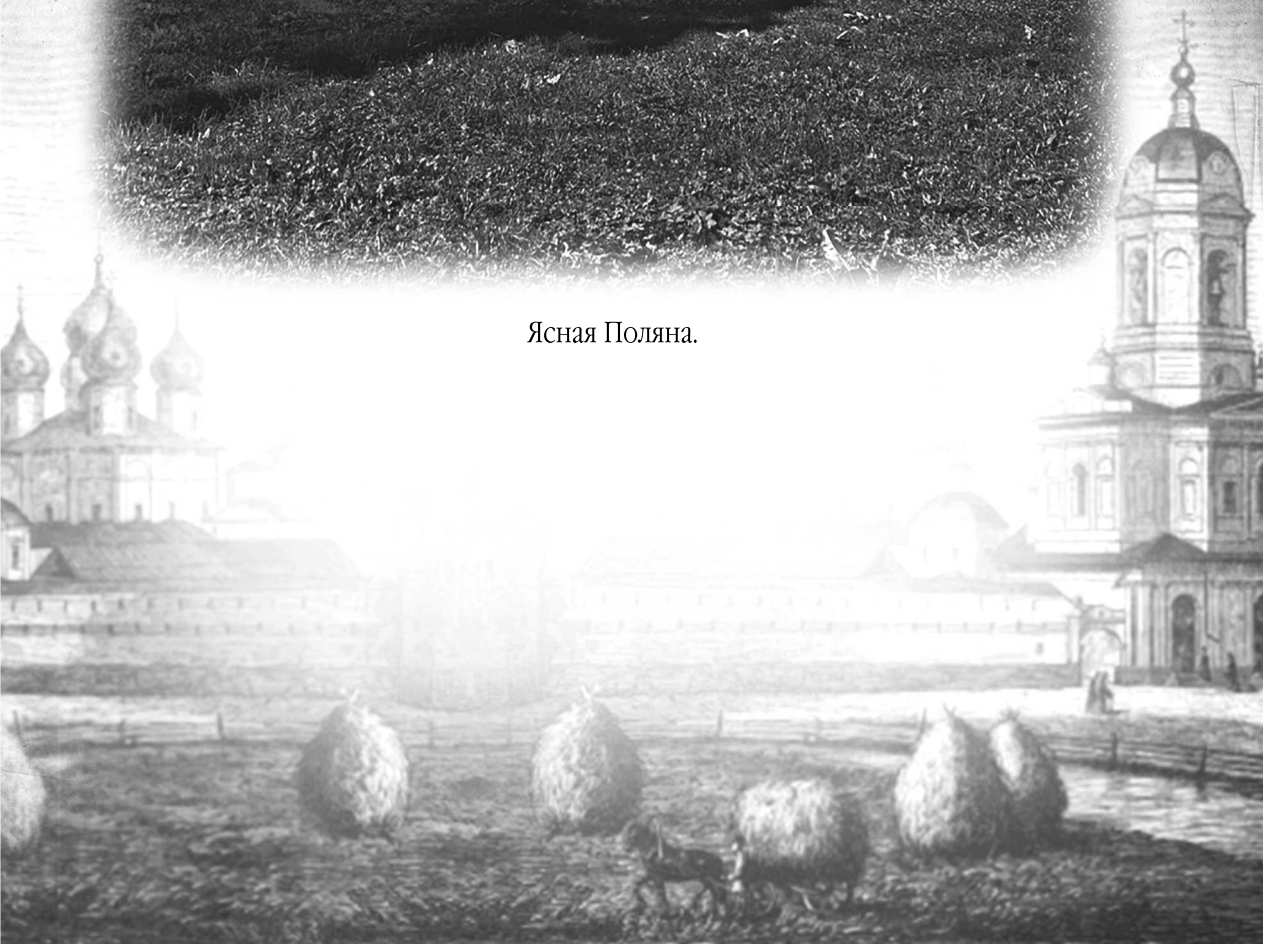
Я аристократ потому, что не могу верить в высокий ум, тонкий вкус и великую честность человека, который ковыряет в носу пальцем и у которого душа с Богом беседует.

Все это очень глупо, может быть, преступно, дерзко, но это так. И я вперед объявляю читателю, какой я человек и чего он может ждать от меня. Еще время закрыть книгу и обличить меня как идиота, ретрограда и Аскоченского, которому я, пользуясь этим случаем, спешу заявить давно чувствуемое мною искреннее и глубокое нешуточное уважение.

Ясная Поляна.

ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ

I

— Ну что, князь, Генуя и Лукка стали не больше как поместья, поместья фамилии Буонапарте. Нет, я вам вперед говорю, если вы мне не скажете, что у нас война, если вы позволите себе защищать все гадости, все ужасы этого антихриста (право, я верю, что он антихрист), — я вас больше не знаю, вы уже не друг мой, вы уже не мой верный раб, как вы говорите. Ну, здравствуйте, здравствуйте. Я вижу, что я вас пугаю, садитесь и рассказывайте.

Так говорила в июле 1805 года известная Анна Павловна Шерер, фрейлина и приближенная императрицы Марии Федоровны, встречая важного и чиновного князя Василия, первым приехавшего на ее вечер. Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был грипп, как она говорила (грипп был тогда новое слово, употреблявшееся только редкими), а потому она не дежурила и не выходила из дому. В записочках, разосланных утром с красным лакеем, было написано без различия во всех:

«Если у вас, граф (или князь), нет в виду ничего лучшего и если перспектива вечера у бедной больной не слишком вас пугает, то я буду очень рада видеть вас нынче у себя между 7 и 10 часами.

Анна Шерер».

— О, какое жестокое нападение! — отвечал, нисколько не смутясь такой встречей и слабо улыбаясь, вошедший князь с светлым выражением хитрого лица, в придворном шитом мундире, чулках, башмаках и звездах.

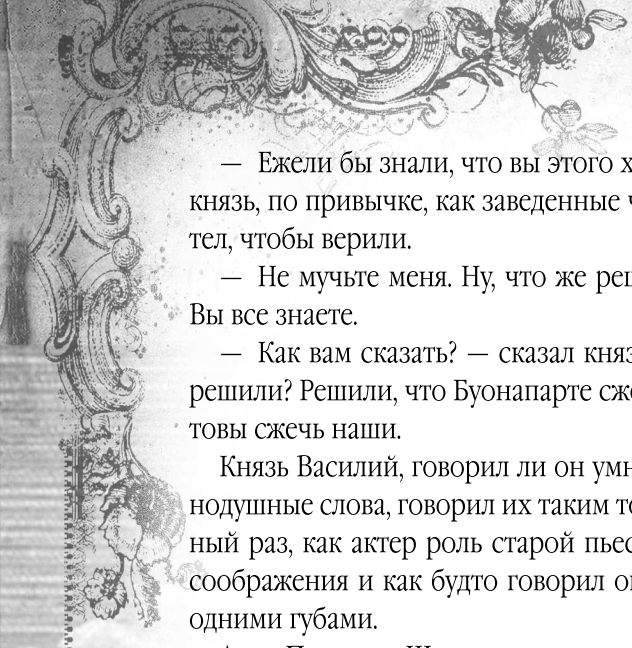
Он говорил на том изысканном французском языке, на котором не только говорили, но и думали наши деды, и с теми тихими покровительственными интонациями, которые свойственны состарившемуся в свете и при дворе значительному человеку. Он подошел к Анне Павловне, поцеловал ее руку, подставив ей свою надушенную и сияющую белизной даже между седыми волосами лысину, и покойно уселся на диване.

— Прежде всего скажите, как ваше здоровье, милый друг? Успокойте друга, — сказал он, не изменяя голоса, и тоном, в котором из-за приличия и участия просвечивало равнодушие и даже насмешка.

— Как вы хотите, чтоб я была здорова, когда нравственно страдаешь? Разве можно оставаться спокойной в наше время, когда есть у человека чувство, — сказала Анна Павловна. — Вы весь вечер у меня, надеюсь?

— А праздник английского посланника? Нынче среда. Мне надо показаться там, — сказал князь. — Дочь заедет за мной и повезет меня.

— Я думала, что нынешний праздник отменен. Признаюсь, все эти праздники и фейерверки становятся несносны.

— Ежели бы знали, что вы этого хотите, праздник бы отменили, — сказал князь, по привычке, как заведенные часы, говоря вещи, которым он и не хотел, чтобы верили.

— Не мучьте меня. Ну, что же решили по случаю депеши Новосильцева? Вы все знаете.

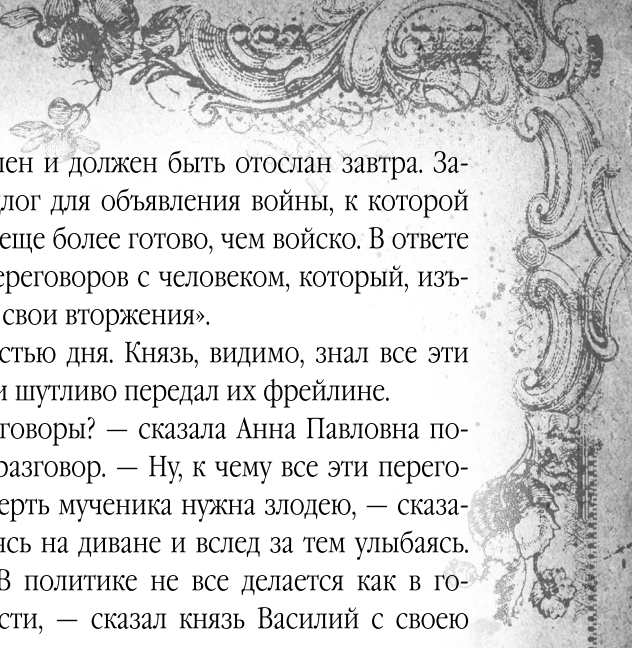
— Как вам сказать? — сказал князь холодным, скучающим тоном. — Что решили? Решили, что Буонапарте сжег свои корабли, и мы тоже, кажется, готовы сжечь наши.

Князь Василий, говорил ли он умные или глупые, одушевленные или равнодушные слова, говорил их таким тоном, как будто он повторял их в тысячный раз, как актер роль старой пьесы, как будто слова выходили не из его соображения и как будто говорил он их не умом, не сердцем, а по памяти, одними губами.

Анна Павловна Шерер, напротив, несмотря на свои сорок лет, была преисполнена оживления и порывов, которые она долгим опытом едва приучила себя сдерживать в рамках придворной обдуманности, приличия и сдержанности. Каждую минуту она, видимо, готова была сказать что-нибудь лишнее, но, хотя она и на волосок была от того, это лишнее не прорывалось. Она была нехороша, но, видимо, сознаваемые ею самую восторженность ее взгляда и оживление улыбки, выражавших увлечение идеальными интересами, придавали ей то, что называлось интересностью. По словам и выражению князя Василия видно было, что в том кругу, где они оба обращались, давно установилось всеми признанное мнение об Анне Павловне как о милой и доброй энтузиастке и патриотке, которая берется немножко не за свое дело и часто впадает в крайность, но мила искренностью и пылкостью своих чувств. Быть энтузиасткой сделалось ее общественным положением, и иногда, когда ей даже того не хотелось, она, чтобы не обмануть ожиданий людей, знавших ее, делалась энтузиасткой. Сдержанная улыбка, игравшая постоянно на лице Анны Павловны, хотя и не шла к ее отжившим чертам, выражала, как у избалованных детей, постоянное сознание своего милого недостатка, от которого она не хочет, не может и не находит нужным исправляться.

Содержание депеши от Новосильцева, поехавшего в Париж для переговоров о мире, было следующее.

Приехав в Берлин, Новосильцев узнал, что Буонапарте издал декрет о присоединении Генуэзской республики к Французской империи в то самое время, как он изъявлял желание мириться с Англией при посредничестве России. Новосильцев, остановившись в Берлине и предполагая, что такое насилие Буонапарте может изменить намерение императора Александра, спрашивал разрешения его величества, ехать ли в Париж или возвратиться.

Ответ Новосильцеву был уже составлен и должен быть отослан завтра. Завладение Генуей был желанный предлог для объявления войны, к которой мнение придворного общества было еще более готово, чем войско. В ответе было сказано: «Мы не хотим вести переговоров с человеком, который, изъявляя желание мириться, продолжает свои вторжения».

Это все было самую свежую новостью дня. Князь, видимо, знал все эти подробности из верных источников и шутивно передал их фрейлине.

— Ну, к чему повели нас эти переговоры? — сказала Анна Павловна по-французски, как происходил и весь разговор. — Ну, к чему все эти переговоры? Не переговоры, а смерть за смерть мученика нужна злодею, — сказала она, раздувая ноздри, поворачиваясь на диване и вслед за тем улыбаясь.

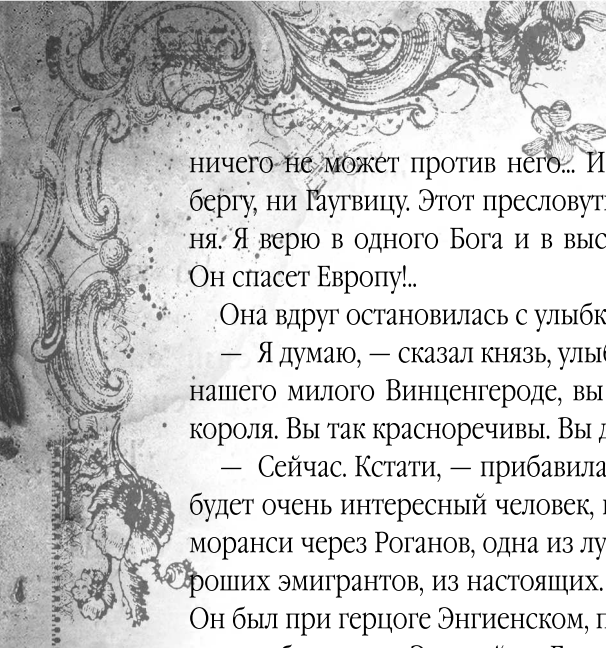
— Как вы кровожадны, дорогая! В политике не все делается как в гостиной. Существуют предосторожности, — сказал князь Василий с своею грустной улыбкой, которая была неестественна, но, повторяясь уж тридцать лет, так обжилась на старом лице князя, что казалась вместе и неестественною и привычною. — Есть письма от ваших? — прибавил он, видимо, считая фрейлину недостойною серьезного политического разговора и стараясь перевести его на другой предмет.

— Но к чему повели нас эти предосторожности, — продолжала спрашивать Анна Павловна, не поддаваясь ему.

— А хоть бы к тому, чтоб узнать мнение Австрии, которую вы так любите, — сказал князь Василий, видимо поддразнивая Анну Павловну и не желая выпускать разговор из шуточного тона.

Но Анна Павловна разгорячилась.

— Ах, не говорите мне про Австрию! Я ничего не понимаю, может быть, но Австрия никогда не хотела и не хочет войны. Она предает нас. Россия одна должна быть спасительницею Европы. Наш благодетель знает свое высокое призвание и будет верен ему. Вот одно, во что я верю. Нашему доброму и чудному государю предстоит величайшая роль в мире, и он так добродетелен и хорош, что Бог не оставит его, и он исполнит свое призвание задавить гидру революции, которая теперь еще ужаснее в лице этого убийцы и злодея. Мы одни должны искупить кровь праведника. На кого нам надеяться, я вас спрашиваю? Англия с своим коммерческим духом не поймет и не может понять всю высоту души императора Александра. Она отказалась очистить Мальту. Она хочет видеть, ищет заднюю мысль наших действий. Что они сказали Новосильцеву? Ничего. Они не поняли, они не могут понять самоотвержения нашего императора, который ничего не хочет для себя и все хочет для блага мира. И что они обещали? Ничего. И что обещали, и того не будет. Пруссия уже объявила, что Буонапарте непобедим и что вся Европа

ничего не может против него... И я не верю ни в одном слове ни Гарденбергу, ни Гаугвицу. Этот пресловутый нейтралитет Пруссии — только западня. Я верю в одного Бога и в высокую судьбу нашего милого императора. Он спасет Европу!..

Она вдруг остановилась с улыбкой насмешки над своею горячностью.

— Я думаю, — сказал князь, улыбаясь, — что, ежели бы вас послали вместо нашего милого Винценгероде, вы бы взяли приступом согласие прусского короля. Вы так красноречивы. Вы дадите мне чаю?

— Сейчас. Кстати, — прибавила она, опять успокаиваясь, — нынче у меня будет очень интересный человек, виконт де Мортемар. Он в родстве с Монморанси через Роганов, одна из лучших фамилий Франции. Это один из хороших эмигрантов, из настоящих. Он очень хорошо вел себя и все потерял. Он был при герцоге Энгиенском, при несчастном святом мученике во время его пребывания в Этенгейме. Говорят, он очень мил. Ваш обворожительный сын Ипполит обещал мне привезти его. Все наши дамы без ума от него, — прибавила она с улыбкой презрения, как будто жалела о бедных дамах, не умевших выдумать ничего лучше, как влюбиться в виконта де Мортемара.

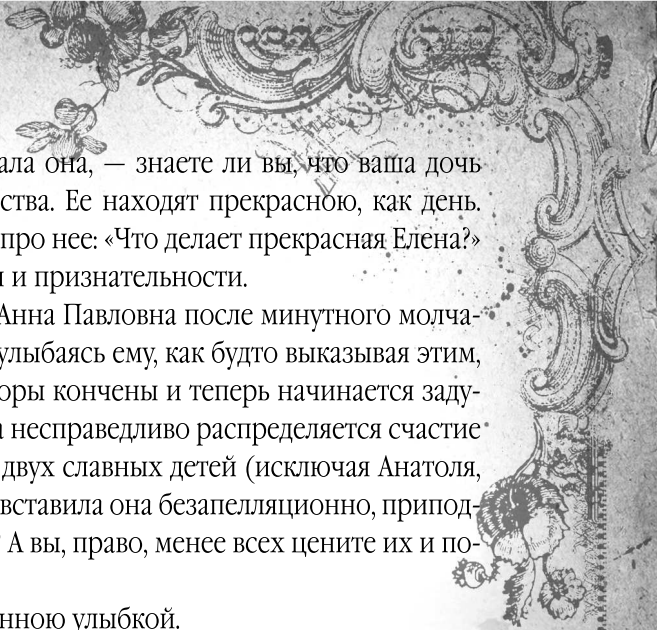
— Кроме вас, разумеется, — сказал князь все своим тоном посмеивания. — Я его видал, этого виконта, в свете, — прибавил он, видимо, мало заинтересованный надеждой видеть Мортемара. — Скажите, — сказал он, как будто только что вспомнив что-то, и особенно небрежно, тогда как то, о чем он спрашивал, было главною целью его посещения, — правда, что императрица-мать желает назначения барона Функе первым секретарем в Вену? Этот барон, кажется, ничтожная личность.

Князь Василий желал определить сына на это место, которое через императрицу Марию Федоровну старались доставить барону.

Анна Павловна почти закрыла глаза в знак того, что ни она, ни кто другой не могут судить про то, что угодно или нравится императрице.

— Барон Функе был рекомендован императрице-матери ее сестрою, — только сказала она совсем особенным грустным сухим тоном. В то время как Анна Павловна назвала императрицу, лицо ее вдруг представило глубокое и искреннее выражение преданности и уважения, соединенное с грустью, что с ней бывало каждый раз, как она в разговоре упоминала о своей высокой покровительнице. Она сказала, что ее величество изволила оказать барону Функе много уважения, и опять взгляд ее подернулся грустью.

Князь равнодушно замолк. Анна Павловна, с свойственною ей придворной и женской ловкостью и быстротою такта, захотела и щелкнуть князя за то, что он дерзнул так отозваться о лице, рекомендованном императрице, и в то же время утешить его.

— Кстати, о вашей семье, — сказала она, — знаете ли вы, что ваша дочь составляет наслаждение всего общества. Ее находят прекрасною, как день. Государыня очень часто спрашивает про нее: «Что делает прекрасная Елѣна?»

Князь наклонился в знак уважения и признательности.

— Я часто думаю, — продолжала Анна Павловна после минутного молчания, придвигаясь к князю и ласково улыбаясь ему, как будто выказывая этим, что политические и светские разговоры кончены и теперь начинается задумчивый, — я часто думаю, как иногда несправедливо распределяется счастье жизни. За что вам дала судьба таких двух славных детей (исключая Анатоля, вашего меньшого, я его не люблю, — вставила она безапелляционно, приподняв брови), таких прелестных детей? А вы, право, менее всех цените их и потому их не стоите.

И она улыбнулась своей восторженной улыбкой.

— Чего вы хотите? Лафатер сказал бы, что у меня нет шишки родительской любви, — сказал князь вяло.

— Перестаньте шутить. Я хотела серьезно поговорить с вами. Знаете, я недовольна вашим меньшим сыном. Я его совсем не знаю, но, кажется, он поставил задачей сделать себе скандальную репутацию. Между нами будь сказано (лицо ее приняло грустное выражение), о нем говорили у ее величества, и жалеют вас...

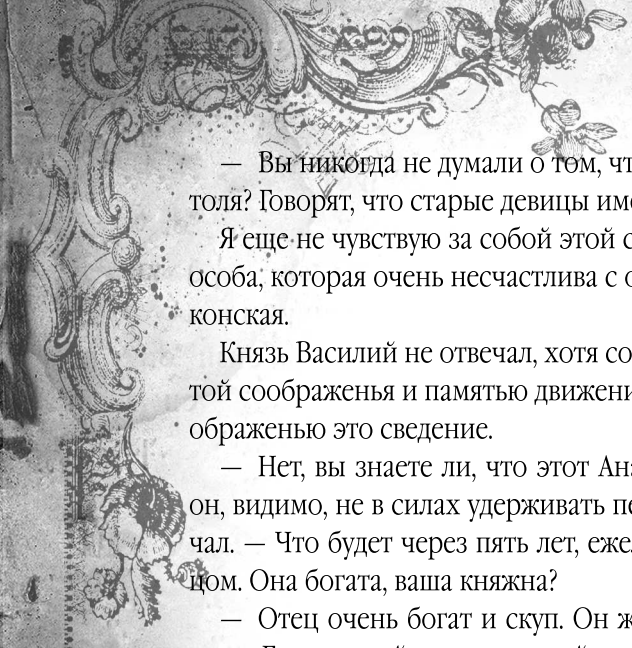
Князь не отвечал, но она, молча, значительно глядя на него, ждала ответа. Князь Василий поморщился.

— Что вы хотите, чтоб я делал? — сказал он наконец. — Вы знаете, я сделал для их воспитания все, что может отец, и оба вышли дураки. Ипполит, по крайней мере, покойный дурак, а Анатолий — беспокойный. Вот одно различие, — сказал он, улыбаясь более неестественно и одушевленно, чем обыкновенно, и при этом особенно резко выказывая в сложившихся около его рта морщинах что-то такое грубое и неприятное, что Анне Павловне пришло на мысль: не очень, должно быть, приятно быть сыном или дочерью такого отца.

— И зачем рождаются дети у таких людей, как вы? Ежели бы вы не были отец, я бы ни в чем не могла упрекнуть вас, — сказала Анна Павловна, задумчиво поднимая глаза.

— Я ваш верный раб, и вам одной могу признаться. Мои дети — обуза моего существования. Это мой крест. Я так себе объясняю. Чего вы хотите? — Он помолчал, выражая жестом свою покорность жестокой судьбе. — Да, ежели бы можно было по произволу иметь и не иметь их... Я уверен, что в наш век будет сделано это изобретение.

Анне Павловне не понравилась мысль о таком изобретении.

— Вы никогда не думали о том, чтобы женить вашего блудного сына Анатоля? Говорят, что старые девицы имеют манию женить.

Я еще не чувствую за собой этой слабости, но у меня есть одна маленькая особа, которая очень несчастлива с отцом, наша родственница, княжна Болконская.

Князь Василий не отвечал, хотя со свойственной светским людям быстротой соображенья и памятью движением головы показал, что он принял к соображенью это сведение.

— Нет, вы знаете ли, что этот Анатолий мне стоит 40 000 в год, — сказал он, видимо, не в силах удерживать печальный ход своих мыслей. Он помолчал. — Что будет через пять лет, ежели это пойдет так? Вот выгода быть отцом. Она богата, ваша княжна?

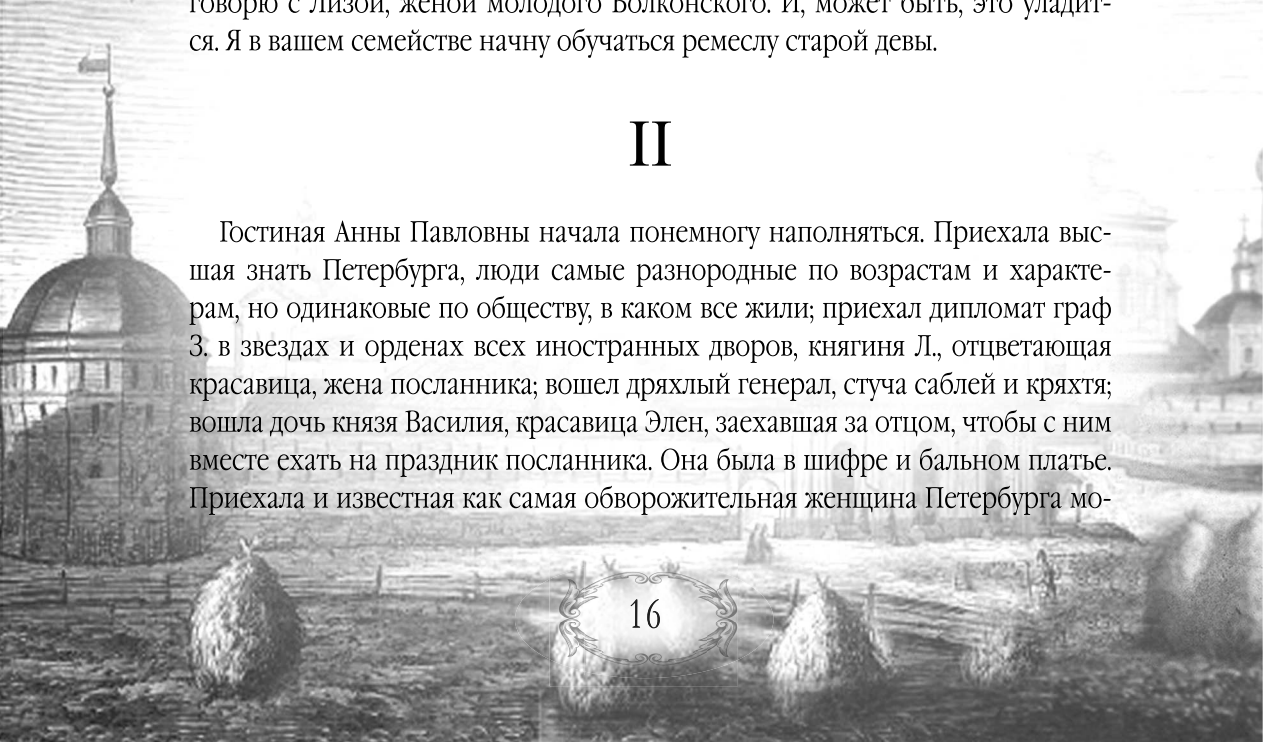
— Отец очень богат и скуп. Он живет в деревне. Знаете, этот известный князь Болконский, отставленный еще при покойном императоре и прозванный Прусским королем. Он очень умный человек, но со странностями и тяжелый. Бедняжка несчастлива. У нее брат, вот что недавно женился на Лизе Мейнен, адъютант Кутузова, живет здесь и будет нынче у меня. Она единственная дочь.

— Послушайте, милая Анет, — сказал князь, взяв вдруг свою собеседницу за руку и пригибая ее почему-то книзу. — Устройте мне это дело, и я ваш вернейший раб навсегда. Она хорошей фамилии и богата. Все, что мне нужно.

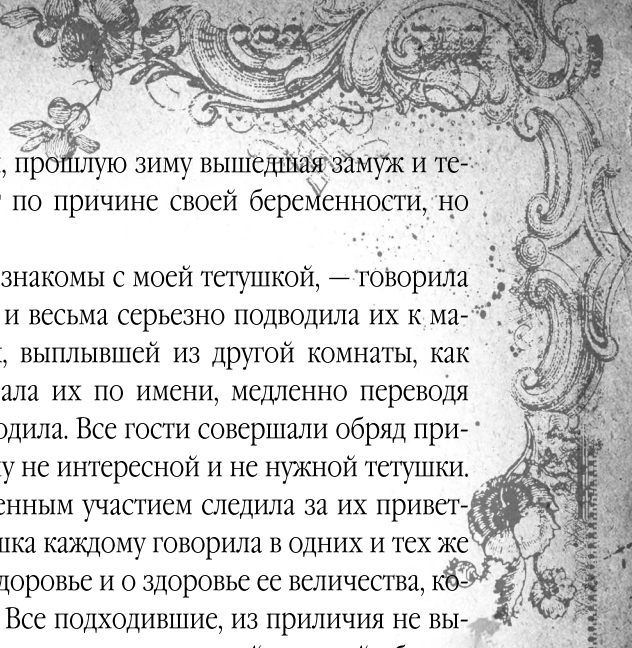
И он с теми свободными и фамильярными, грациозными движениями, которые его отличали, взял за руку фрейлину, поцеловал ее и, поцеловав, помахал фрейлинской рукой, развалившись на креслах и глядя в сторону.

— Подождите, — сказала Анна Павловна, соображая. — Я нынче же поговорю с Лизой, женой молодого Болконского. И, может быть, это уладится. Я в вашем семействе начну обучаться ремеслу старой деви.

II

Гостиная Анны Павловны начала понемногу наполняться. Приехала высшая знать Петербурга, люди самые разнородные по возрастам и характерам, но одинаковые по обществу, в каком все жили; приехал дипломат граф З. в звездах и орденах всех иностранных дворов, княгиня Л., отцветающая красавица, жена посланника; вошел дряхлый генерал, стуча саблей и кряхтя; вошла дочь князя Василия, красавица Элен, захватившая за отцом, чтобы с ним вместе ехать на праздник посланника. Она была в шифре и бальном платье. Приехала и известная как самая обворожительная женщина Петербурга мо-

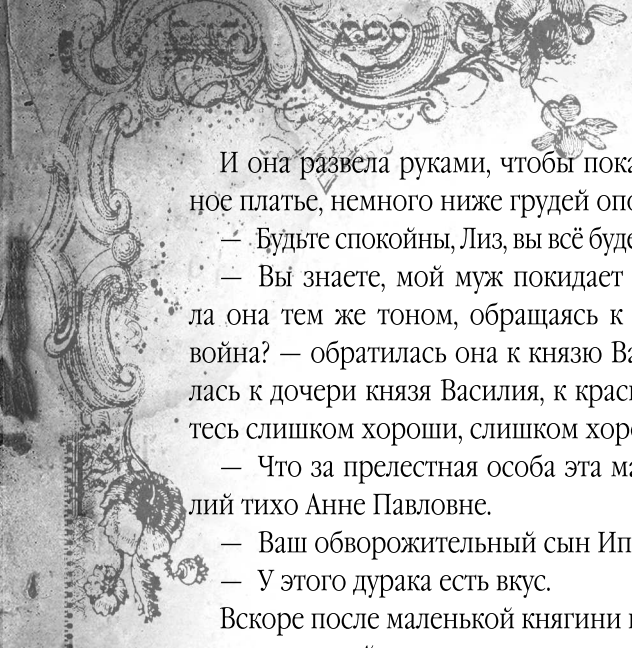
лодая, маленькая княгиня Болконская, прошлую зиму вышедшая замуж и теперь не выезжавшая в большой свет по причине своей беременности, но ездившая еще на небольшие вечера.

— Вы не видали еще, или — вы не знакомы с моей тетушкой, — говорила Анна Павловна приезжавшим гостям и весьма серьезно подводила их к маленькой старушке в высоких бантах, выплывшей из другой комнаты, как скоро стали приезжать гости; называла их по имени, медленно переводя глаза с гостя на тетушку, и потом отходила. Все гости совершали обряд приветствия никому не известной, никому не интересной и не нужной тетушки. Анна Павловна с грустным торжественным участием следила за их приветствиями, молчаливо одобряя их. Тетушка каждому говорила в одних и тех же выражениях о его здоровье, о своем здоровье и о здоровье ее величества, которое нынче было, слава богу, лучше. Все подходившие, из приличия не выказывая поспешности, с чувством облегчения исполненной тяжелой обязанности, отходили от старушки, чтоб уж весь вечер ни разу не подойти к ней. Человек десять присутствующих мужчин и дам разместились кто у чайного стола, кто в уголку за трельяжем, кто у окна; все разговаривали и свободно переходили от одной группы к другой.

Молодая княгиня Болконская приехала с работой в шитом золотом бархатном мешке. Ее хорошенькая, с чуть черневшимися усиками верхняя губка была коротка по зубам, но тем милее она открывалась и тем еще милее вытягивалась иногда и опускалась на нижнюю. Как это всегда бывает у вполне привлекательных женщин, недостаток ее — короткость губы и полукрытый рот — казались ее особенною, собственно ее красотой. Всем было весело смотреть на эту полную здоровья и живости хорошенькую будущую мать, так легко переносившую свое положение. Старикам и скучающим мрачным молодым людям, смотревшим на нее, казалось, что они сами делаются похожи на нее, побыв и поговорив несколько времени с нею. Кто говорил с ней и видел при каждом ее слове светлую улыбочку и блестящие белые зубы, которые виднелись беспрестанно, думал, что он особенно нынче любезен. И это думал каждый. Маленькая княгиня, переваливаясь, маленькими быстрыми шажками обошла стол с рабочей сумочкой на руке и весело, оправляя платье, села на диван, около серебряного самовара, как будто все, что она ни делала, было развлечением для нее и для всех ее окружавших.

— Я захватила работу, — сказала она, развертывая свой ридикюль и обращаясь ко всем вместе.

— Смотрите, Анна, не сыграйте со мной дурной шутки, — обратилась она к хозяйке. — Вы мне писали, что у вас совсем маленький вечер, видите, как я одета дурно.

И она развела руками, чтобы показать свое, в кружевах, серенькое изящное платье, немного ниже груди опоясанное широкою лентой.

— Будьте спокойны, Лиз, вы всё будете лучше всех, — отвечала Анна Павловна.

— Вы знаете, мой муж покидает меня, он идет на смерть, — продолжала она тем же тоном, обращаясь к генералу. — Скажите, зачем эта гадкая война? — обратилась она к князю Василию и, не дожидаясь ответа, обратилась к дочери князя Василия, к красивой Элен: — Знаете, Элен, вы становитесь слишком хороши, слишком хороши.

— Что за прелестная особа эта маленькая княгиня! — сказал князь Василий тихо Анне Павловне.

— Ваш обворожительный сын Ипполит до безумия влюблен в нее.

— У этого дурака есть вкус.

Вскоре после маленькой княгини вошел толстый молодой человек с стриженной головой, в очках, светлых панталонах по тогдашней моде, с высоким жабо и в коричневом фраке. Этот толстый молодой человек, несмотря на модный покрой платья, был неповоротлив, неуклюж, как бывают неловки и неуклюжи здоровые мужицкие парни. Но он был незастенчив и решителен в движениях. На минуту остановился он посередине гостиной, не находя хозяйки и кланяясь всем, кроме нее, несмотря на знаки, которые она ему делала. Приняв старую тетушку за самую Анну Павловну, он сел подле нее и стал говорить с ней, но узнав, наконец, по удивленному лицу тетушки, что этого не следует делать, встал и сказал:

— Извините, мадемуазель, я думал, что это не вы.

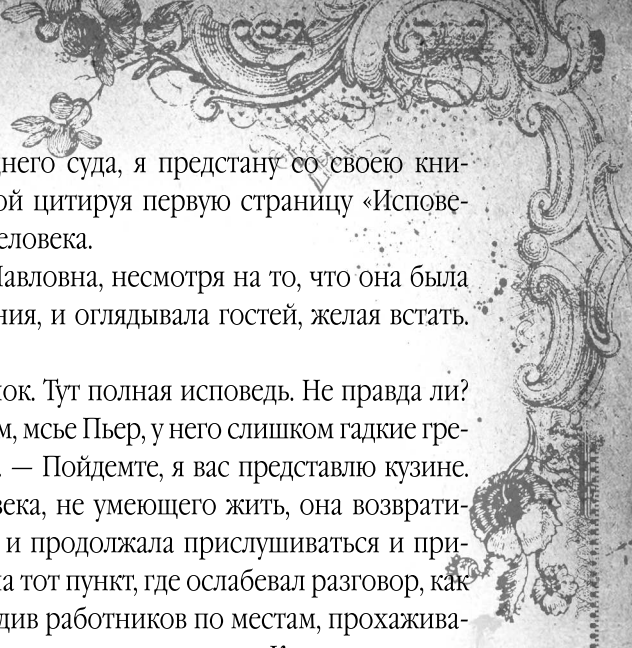
Даже бесстрастная тетушка покраснела при этих бессмысленных словах и с отчаянным видом замахала своей племяннице, приглашая ее себе на помощь. Занятая до сих пор другим гостем, Анна Павловна подошла к ней.

— Очень любезно с вашей стороны, мсье Пьер, что вы пришли навестить бедную больную, — сказала она ему, улыбаясь и переглядываясь с тетушкой.

Пьер сделал еще хуже. Он сел подле Анны Павловны с видом человека, который не скоро встанет, и тотчас же начал с нею разговор о Руссо, о котором они говорили в предпоследнее свидание. Анне Павловне было некогда. Она прислушивалась, приглядывалась, помещала и перемещала гостей.

— Я не могу понять, — говорил молодой человек, значительно глядя через очки на свою собеседницу, — почему не любят «Исповедь», тогда как «Новая Элоиза» гораздо ничтожнее.

Толстый молодой человек неловко выражал свою мысль и вызывал на спор Анну Павловну, совершенно не замечая, что фрейлине и вообще никакого дела не было до того, какое сочинение хорошо или дурно, а особенно теперь, когда ей столько надо было сообразить и вспомнить.

— «Пусть прозвучит труба последнего суда, я предстану со своею книгой в руках», — говорил он, с улыбкой цитируя первую страницу «Исповеди». — Прочтя эту книгу, полюбишь человека.

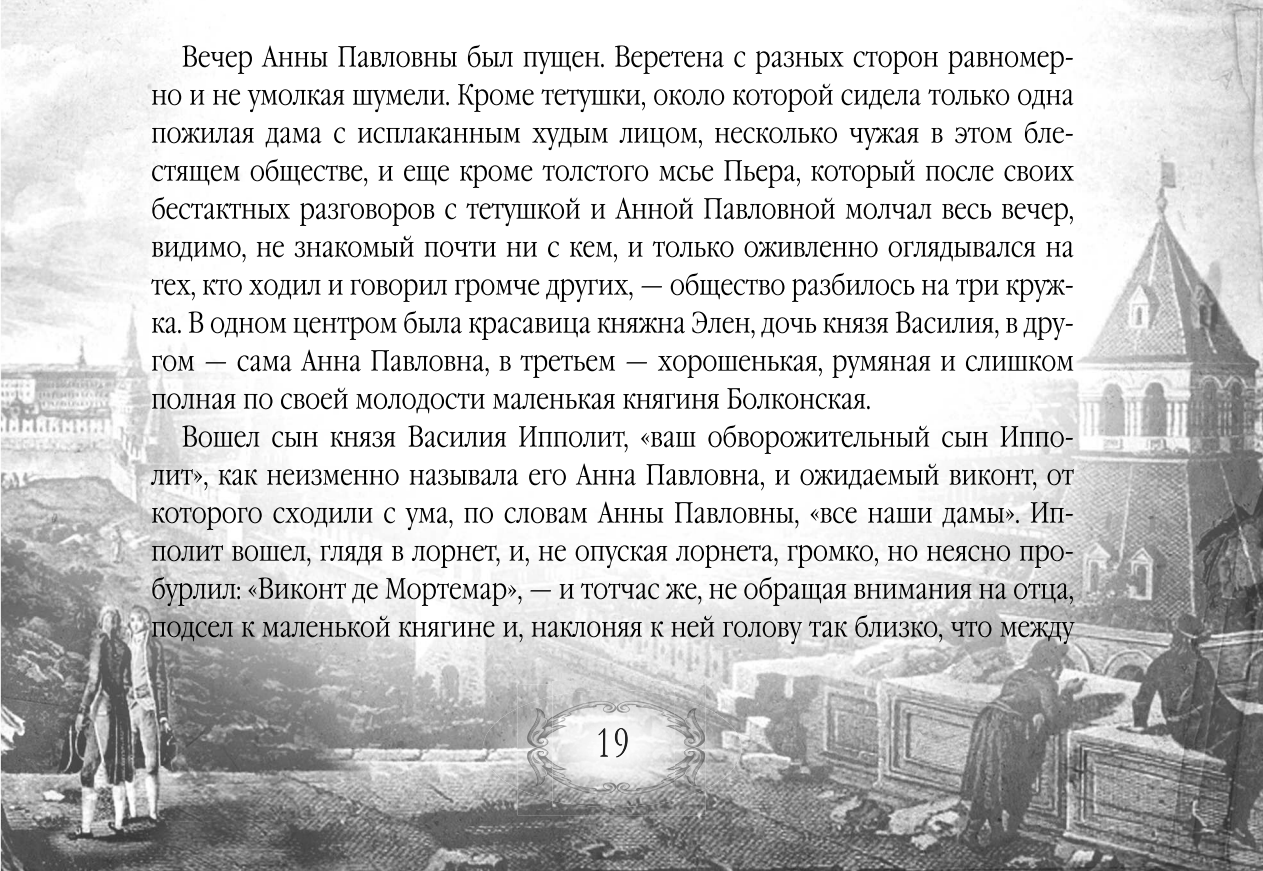
— Да, конечно, — отвечала Анна Павловна, несмотря на то, что она была совершенно противоположного мнения, и оглядывала гостей, желая встать. Но Пьер продолжал:

— Это не только книга, это поступок. Тут полная исповедь. Не правда ли?

— Но я не хочу быть его духовником, мсье Пьер, у него слишком гадкие грехи, — сказала она, вставая и улыбаясь. — Пойдемте, я вас представлю кузине.

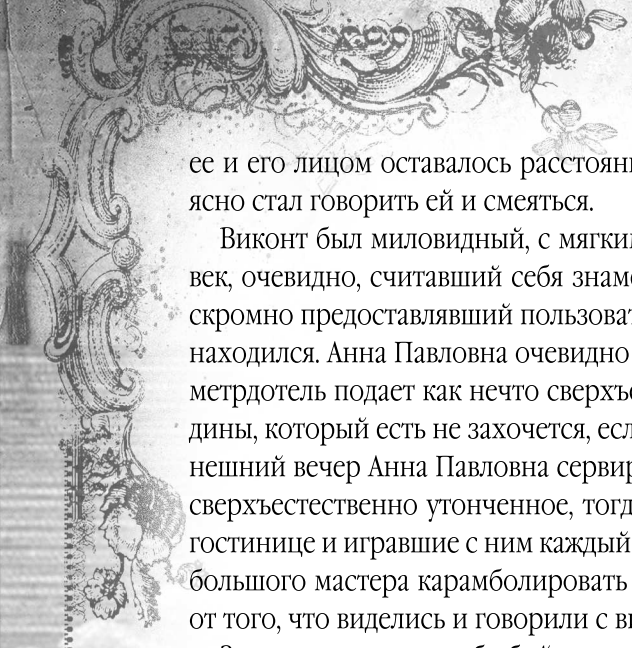
И, отделившись от молодого человека, не умеющего жить, она возвратилась к своим занятиям хозяйки дома и продолжала прислушиваться и приглядываться, готовая подать помощь на тот пункт, где ослабевал разговор, как хозяин прядильной мастерской, посадив работников по местам, прохаживается по заведению и примечает, все ли вертятся веретена. Как хозяин прядильной, замечая неподвижность или непривычный, скрипящий, слишком громкий звук веретена, торопливо идет, сдерживает или пускает его в надлежащий ход, так и Анна Павловна подходила к замолкнувшему или слишком много говорившему кружку и одним словом или перемещением опять заводила равномерную, приличную разговорную машину.

III

Вечер Анны Павловны был пущен. Веретена с разных сторон равномерно и не умолкая шумели. Кроме тетушки, около которой сидела только одна пожилая дама с исплуканным худым лицом, несколько чужая в этом блестящем обществе, и еще кроме толстого мсье Пьера, который после своих бестактных разговоров с тетушкой и Анной Павловной молчал весь вечер, видимо, не знакомый почти ни с кем, и только оживленно оглядывался на тех, кто ходил и говорил громче других, — общество разбилось на три кружка. В одном центре была красавица княжна Элен, дочь князя Василия, в другом — сама Анна Павловна, в третьем — хорошенькая, румяная и слишком полная по своей молодости маленькая княгиня Болконская.

Вошел сын князя Василия Ипполит, «ваш обворожительный сын Ипполит», как неизменно называла его Анна Павловна, и ожидаемый виконт, от которого сходили с ума, по словам Анны Павловны, «все наши дамы». Ипполит вошел, глядя в лорнет, и, не опуская лорнета, громко, но неясно пробурлил: «Виконт де Мортемар», — и тотчас же, не обращая внимания на отца, подсел к маленькой княгине и, наклоня к ней голову так близко, что между

ее и его лицом оставалось расстояние меньше четверти, что-то часто и неясно стал говорить ей и смеяться.

Виконт был миловидный, с мягкими чертами и приемами молодой человек, очевидно, считавший себя знаменитостью, но, по благовоспитанности, скромно предоставлявший пользоваться собой тому обществу, в котором он находился. Анна Павловна очевидно угощала им своих гостей. Как хороший метрдотель подает как нечто сверхъестественно прекрасное тот кусок говядины, который есть не захочется, если увидеть его в грязной кухне, так в нынешний вечер Анна Павловна сервировала своим гостям виконта как что-то сверхъестественно утонченное, тогда как господа, стоявшие с ним в одной гостинице и игравшие с ним каждый день на биллиарде, видели в нем только большого мастера карамболировать и вовсе не находили себя счастливыми от того, что виделись и говорили с виконтом.

Заговорили тотчас об убийстве герцога Энгиенского. Виконт сказал, что герцог Энгиенский погиб от своего великодушия и что были особенные причины озлобления Буонапарте.

— Ах! Расскажите нам это, виконт, — сказала Анна Павловна.

Виконт наклонился в знак покорности и учтиво улыбнулся. Анна Павловна сделала круг около виконта и пригласила всех слушать его рассказ.

— Виконт был лично знаком с герцогом, — шепнула Анна Павловна одному.

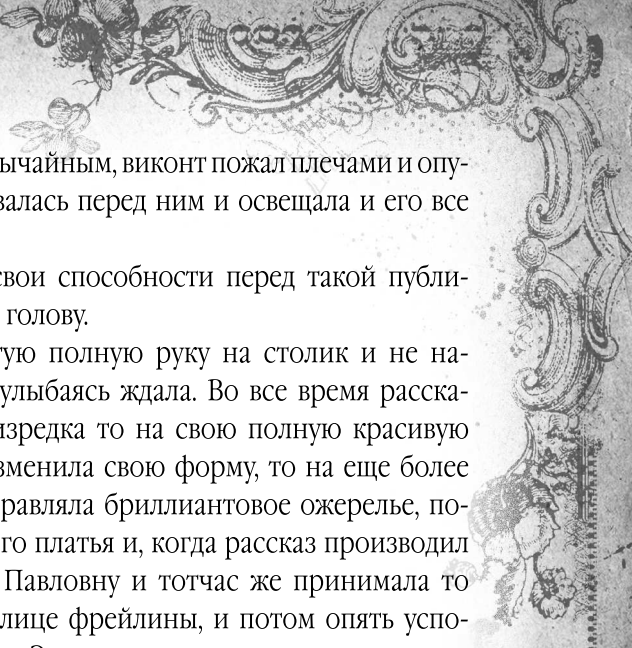
— Виконт удивительный мастер рассказывать, — проговорила она другому.

— Как сейчас, виден человек хорошего общества, — сказала она третьему, и виконт был подан обществу в самом изящном и выгодном для него свете, как ростбиф на горячем блюде и посыпанный зеленью.

Виконт хотел уже начать свой рассказ и тонко улыбнулся.

— Переходите сюда, дорогая Элен, — сказала Анна Павловна красавице княжне, которая сидела поодаль, составляя центр другого кружка.

Княжна Элен улыбалась; она поднялась с тою же неизменною улыбкой вполне красивой женщины, с которой она вошла в гостиную. Слегка шумя своею белою бальной робой, убранной плюшем и мехом, и блестя близной плеч, глянцем волос и бриллиантов, она прошла между расступившимися мужчинами и прямо, не глядя ни на кого, но всем улыбаясь и как бы любезно предоставляя каждому право любоваться красотой своего стана, полных плеч, очень открытой по тогдашней моде груди и спины и как будто внося с собою блеск бала, подошла к Анне Павловне. Элен была так хороша, что не только не было в ней заметно тени кокетства, но, напротив, ей как будто совестно было за свою несомненную и слишком сильно и победительно действующую красоту. Она как будто желала и не могла умалить своей красоты. «Какая красавица!» — говорил каждый, кто ее видел.

Как будто пораженный чем-то необычайным, виконт пожал плечами и опустил глаза, в то время как она усаживалась перед ним и освещала и его все тою же неизменною улыбкой.

— Мадам, я, право, опасаясь за свои способности перед такой публикой, — сказал он, наклоняя с улыбкой голову.

Княжна облокотила свою открытую полную руку на столик и не нашла нужным что-либо сказать. Она улыбаясь ждала. Во все время рассказа она сидела прямо, посматривая изредка то на свою полную красивую руку, которая от давления на стол изменила свою форму, то на еще более красивую грудь, на которой она поправляла бриллиантовое ожерелье, поправляла несколько раз складки своего платья и, когда рассказ производил впечатление, оглядывалась на Анну Павловну и тотчас же принимала то самое выражение, которое было на лице фрейлины, и потом опять успокаивалась в сияющей улыбке. Вслед за Элен перешла и маленькая княгиня от чайного стола.

— Подождите, я возьму мою работу, — проговорила она.

— О чем вы думаете? — обратилась она к князю Ипполиту. — Принесте мне мой ридикюль.

Княгиня, улыбаясь и говоря со всеми, вдруг произвела перестановку, и, усевшись, весело оправилась.

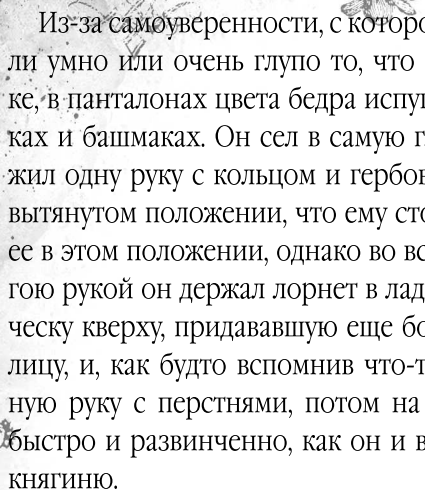
— Теперь мне хорошо, — приговаривала она и, попросив начинать, принялась за работу. Князь Ипполит перенес ей ридикюль, перешел за нею и, близко придвинув к ней кресло, сел подле нее.

Очаровательный Ипполит поражал своим необыкновенным сходством с сестрою-красавицей и еще более тем, что, несмотря на сходство, он был поразительно дурен собой. Черты его лица были те же, как и у сестры, но у той все освещалось жизнерадостной, самодовольной, молодой, неизменной улыбкой жизни и необычайной античной красотой тела; у брата, напротив, то же лицо было отуманено идиотизмом и неизменно выражало самоуверенную брюзгливость, а тело было худощаво и слабо. Глаза, нос, рот — все сжималось как будто в одну неопределенную и скучную гримасу, а руки и ноги всегда принимали неестественные положения.

— Это не история о привидениях? — сказал он, усевшись подле княгини и торопливо пристроив к глазам свой лорнет, как будто без этого инструмента он не мог начать говорить.

— Всего нет, — пожимая плечами, сказал удивленный рассказчик.

— Дело в том, что я терпеть не могу историй о привидениях, — сказал он таким тоном, что видно было, — он сказал эти слова, а потом уже понял, что они значили.

Из-за самоуверенности, с которою он говорил, никто не мог понять, очень ли умно или очень глупо то, что он сказал. Он был в темно-зеленом фраке, в панталонах цвета бедра испуганной нимфы, как он сам говорил, в чулках и башмаках. Он сел в самую глубину кресла против рассказчика, положил одну руку с кольцом и гербовой печатью перед собой на стол в таком вытянутом положении, что ему стоило, видимо, большого труда удерживать ее в этом положении, однако во все время рассказа он держал так руку. Другою рукой он держал лорнет в ладони и этою же рукой опраивлял свою прическу кверху, придававшую еще более странное выражение его вытянутому лицу, и, как будто вспомнив что-то, начинал смотреть на свою выставленную руку с перстнями, потом на ноги виконта, потом весь оборачивался быстро и развинченно, как он и все делал, и долго пристально смотрел на княгиню.

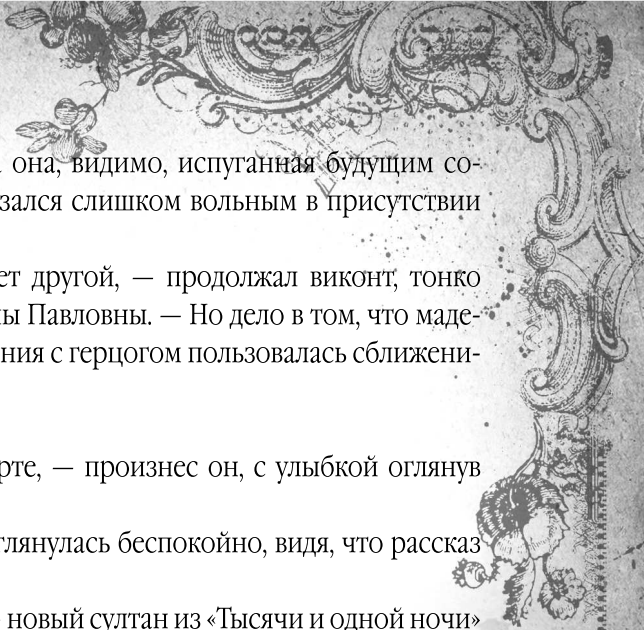
— Когда я имел счастье видеть в последний раз блаженной и печальной памяти герцога Энгиенского, — начал виконт с изящной грустью в голосе, оглядывая слушателей, — он в самых лестных выражениях говорил о красоте и гениальности великой Жорж. Кто не знает этой гениальной и прелестной женщины? Я выразил свое удивление, каким образом герцог мог узнать ее, не быв в Париже эти последние годы. Герцог улыбнулся и сказал мне, что Париж не так далек от Мангейма, как это кажется. Я ужаснулся и высказал его высочеству свой страх при мысли о посещении им Парижа. «Сударь, — сказал я, — бог знает, не окружены ли мы здесь изменниками и предателями и не будет ли ваше присутствие в Париже, как бы тайно оно ни было, известно Буонапарте?» Но герцог только улыбнулся на мои слова с рыцарством и отважною, составляющими отличительную черту его фамилии.

— Дом Конде — ветка лавра, привитая к дереву Бурбонов, как говорил недавно Питт, — сказал монотонно князь Василий, как будто он диктовал какому-то невидимому писцу.

— Господин Питт очень хорошо выразился, — лаконически прибавил его сын Ипполит, решительно поворачиваясь на кресле туловищем в одну, а ногами в противоположную сторону, торопливо поймав лорнетку и устремив сквозь нее свой взгляд на родителя.

— Одним словом, — продолжал виконт, обращаясь преимущественно к красавице княжне, которая не спускала с него глаз, — я должен был оставить Этенгейм и узнал уже потом, что герцог, увлеченный своею отвагой, ездил в Париж, делал честь мадемуазель Жорж не только восхищаться ею, но и посещать ее.

— Но у него была сердечная привязанность к принцессе Шарлотте де Роган Рошфор, — горячо перебила Анна Павловна. — Говорили, что он

тайно был женат на ней, — сказала она, видимо, испуганная будущим содержанием рассказа, который ей казался слишком вольным в присутствии молодой девушки.

— Одна привязанность не мешает другой, — продолжал виконт, тонко улыбаясь и не замечая опасений Анны Павловны. — Но дело в том, что мадемуазель Жорж прежде своего сближения с герцогом пользовалась сближением с другим человеком.

Он помолчал.

— Человека этого звали Буонапарте, — произнес он, с улыбкой оглянув слушателей.

Анна Павловна, в свою очередь, оглянулась беспокойно, видя, что рассказ делается опаснее и опаснее.

— Так вот, — продолжал виконт, — новый султан из «Тысячи и одной ночи» не пренебрегал частенько проводить свои вечера у самой красивой, самой приятной женщины во Франции. И мадемуазель Жорж, — он помолчал, пожав выразительно плечами, — должна была превратить необходимость в добродетель. Счастливец Буонапарте приезжал обыкновенно по вечерам, не назначая своих дней.

— Ах! Я предвижу, и мне становится жутко, — пожимая полными и гибкими плечиками, сказала маленькая хорошенькая княгиня.

Пожилая дама, сидевшая весь вечер подле тетушки, перешла к кружку рассказчика, покачав головою и улыбнувшись значительно и грустно.

— Это ужасно, не правда ли? — сказала она, хотя, очевидно, и не слыхала начала истории. На неуместность ее замечания и на нее саму никто не обратил внимания.

Князь Ипполит объявил быстро и громко:

— Жорж в роли Клитемнестры удивительна!

Анна Павловна молчала и находилась в беспокойстве, не решив еще окончательно в своем уме, прилично или неприлично было то, что рассказывал виконт. С одной стороны — вечерние посещения актрис, с другой стороны — ежели уж виконт де Мортемар, родственник Монморанси через Роганов, лучший представитель Сен-Жерменского предместья, в гостиную будет говорить неприличности, то кто же, наконец, знает, что прилично и неприлично?

— В один вечер, — продолжал виконт, оглядывая слушателей и оживляясь, — Клитемнестра эта, прельстив весь театр своею удивительною передачей Расина, возвратилась домой и думала отдохнуть от усталости и волнения. Она не ждала султана.

Анна Павловна вздрогнула при слове «султан». Княжна опустила глаза и перестала улыбаться.